

EPIC FAIL.

ИСТОРИЯ ПРОВАЛОВ

В 1839 году знаменитый Карл Брюллов, начиная работу над картиной «Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием», предполагал, что это эпическое произведение станет новой «Помпеей».

Еще совсем недавно маэстро получил в Париже «Золотую медаль» и, окрыленный успехом, искал новый вдохновляющий сюжет. Потерпев неудачу с изображением сцен из европейских национальных историй, Брюллов обратился к описаниям Русско-Ливонской войны XVI века.

Осада Пскова — это важное событие эпохи Ивана Грозного. Псков был большим укрепленным городом. Один из участников со стороны осаждавших, аббат Пиотровский, писал: «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж. Помогите нам, Боже, с ним справиться».

Но в отличие от Парижа реального, триумфально взятого Брюлловым, живописная победа над «Северным Парижем» не состоялась. Маэстро, после многих попыток создать большую картину, «grand penture», отступил. Новая Помпея не состоялась. Холст не был уничтожен, но оставлен Брюлловым неоконченным.

Этот грандиозный провал всегда интересовал меня. Случай «Осады Пскова» был примером, когда тема, мастерство и ожидание эпохи, казалось бы, должны были способствовать рождению шедевра, но произошел Epic Fail.

Может ли этот исторический эпизод что-то прояснить для понимания жизни современного художника? Или все в прошлом? И теперь к услугам авторов многообразные стимулирующие процедуры от медитативных практик, книг по развитию креативности и семинаров по выходу из зоны комфорта?

Могут ли, в свою очередь, галерист, куратор или эксперт направить талант в «позитивное русло»?

Но может путь художника это всегда годы постоянных неудач, ошибочных экспериментов, неубедительных проектов, среди которых возникают единичные шедевры. Их в итоге немного, но именно по ним, как по вершинам, мы судим о таланте, точности и глубине автора. Несколько удачных запускают процесс валидации всего остального портфолио.

Обращаясь к художникам с предложением выбрать и выставить, на свой авторский взгляд, свое неудачное произведение, кураторы рисковали. Во-первых, мы получали отрицательные ответы, и их было много (мы были готовы), во-вторых, мы могли бы получить выставочное пространство «коллективного слива». (Спойлер — это не произошло.)

Одним из условий участия был обязательный авторский текст художника. Потому что только сам автор может рассказать, в чем состоит неудача картины, объекта, фильма.

Вербализировать было непросто, но результат превзошел ожидания. В отличие от множества текстов, исходящих от современных авторов и представляющих нечеткий комментарий, широко открытый для любых интерпретаций, тексты для Эпик Фейла — предельно локализованы и всегда рассказывают о конкретном, точном, единичном.

В арт-пространстве «ДК Громов» рядом оказались произведения из разных исторических эпох. Графика Траугота — это микродрама из замкнутого мира гениальных ленинградских иллюстраторов. Говорков впервые выносит на широкую публику серию полотен «Семья Ульяновых» — это искусство перестройки, фиксирующее обвал художественного сознания в эпоху перемен.

Немой фильм Тобрелутс начала в 1990-х как знак бессильного предчувствия новой цифровой революции.

Картина Пушницкого — это XXI век, в котором живопись все продолжает умирать, но уже на каждом отдельном мольберте, в каждой отдельной мастерской. Автор осознает, что неудача уже не просто замешана в красках, но кажется, что вплетена в нити холста.

И наконец, будущее представлено экспонентом венецианской биеннале Шишкиным-Хокусаем, и выступающим в нехарактерном качестве — автором масляной картины.

В нашем проекте художественные технологии (и практики) подменяются одни другими — перформанс заменен текстом (Мартынов-Коханов), деталь интерьера может быть живописным объектом, а как выясняется, и причиной несостоявшейся гибели автора (Дашевский). Катастрофическое нарушение технологии изготовления не лишает скульптуру свойств «скульптурности» (Новиковы).

Эпик Фейл происходил со всеми, Эпик Фейл состоялся как проект. Закончить текст необходимо восьмым правилом Арнольда Шварценеггера: «Я не боюсь ошибаться». Следует он этому пункту буквально, не просто не избегая ошибок, а совершая их в каждом фильме намеренно.

Павел Игнатьев